

А.Булатов. Газета «Голос хлебороба» 07.03.1975 г.

РАЗВЕДЧИК ИЗ ПАВЛОВКИ

Николая Ивановича Лисицу хорошо знают те, кто работал с ним в ту пору, когда в районе славились механизаторы из Павловки, а особенно кукурузоводы. Николай Иванович был среди них.

Сегодня бывшему механизатору восемьдесят один год, и он перебрался на жительство к дочери Надежде в Баево. Пошло всего несколько месяцев, и пожилому человеку трудно вот так обрвать корни со вскормившей его павловской землей. Переживает, конечно, но старость свое берет, и требуется дочерняя поддержка.

Немногословный от природы, Николай Иванович все же поддержал разговор о той прошлой жизни, в которой было намешано всего – и плохого, и хорошего. И самое тяжелое из плохого – конечно, война.

...Сорок первый год ошеломил крестьян сво-

ей роковой неожиданностью: ведь в деревне мало кто разбирался в международной политике, и что там замышлял вероломный Гитлер, не подозревали. Как и во все времена, по извечному крестьянскому укладу весной отсырели, намеревались приступить к сенокосу. Но погожим июньским утром всколыхнулась Павловка бабьим плачем, посмурнели мужики и парни...

Николай Лисица был призван на войну одним из первых – возраст подошел как раз тот самый, ему исполнилось 18 лет. Направили в Петрозаводск в пехоту-матушку. Всю войну воевал на Карельском фронте. Не зря сибиряков посылали в Карелию – они привычны и к лютым морозам и к глубоким снегам, да и здоровьем в те годы Бог не обижал. Незнакомы были жителю полустепи только болота.

- Поначалу, - вспоминает старый солдат, - приходилось туго: обмундирование ветхое (полушубки нескоро мы увидели), винтовки – одна на двоих. Вот и повоюй с этим...

А у немцев в Карелии – мощная, хорошо укрепленная оборона, известная в истории как линия Маннергейма. И ведь сумели мы ее взять! Правда, не сразу, с одними винтовками ничего не получилось. Но когда в помощь были приданы артиллерия и танки, а вместо винтовок у пехотинцев появились автоматы, дело пошло лучше.

Но фашисты не зря приложили немало сил для строительства оборонительной линии, им позарез нужен был русский Север. Однако силу русского духа не выдерживала никакая мощная оборона.

- Мы до десяти раз в сутки ходили в атаку, - говорит Николай Иванович, - и каждый раз, как последний! Поначалу было страшно, а потом – уже все равно. Впереди шли штрафники, их выкашивало наполовину, а то и больше. Но и нам доставалось не меньше.

В одной из атак молодого солдата ранило. Но в глубокий тыл не отправили, два месяца отлежался в полевом госпитале и снова возвратился в свою часть.

- Линию Маннергейма, пока я залечивал рану, взяли без меня, - вспоминает Николай Иванович, а нас направили в Норвегию – выгонять немцев оттуда. Здесь было теперь совсем другое дело. Оружие хорошее, обмундирование новенькое, о питании уже не говорю. Местные жители относились к нам очень хорошо.

В Норвегии Николай Иванович Лисица в звании сержанта командовал отделением автоматчиков. Значит, был служивый и смелым, и находчивым и авторитетом у солдат пользовался, несмотря на молодость. И хотя отделение не относилось к разведке, иногда приходилось ходить за «языком». Помнит один из походов в тыл немцев, потому что взяли тогда крупного «гуся» - фашистского подполковника.

- Как взяли, каким образом это все выглядело? – допытывалась я.

Но немногословный собеседник в подробности не вдавался, а сказал просто:

- Командир роты поставил задачу: ночью взять «языка». Пошли. Темно, сориентировались по компасу. Подползли к землянке, сняли часового. В землянке видим – спит какой-то человек. Оглянулись. Осветили фонариком землянку, увидели китель с подполковничьими погонами. Повезло, значит, не зря сходили. Полуголого фашиста перетащили на свою сторону, сдали командованию, вот и все.

Да не все, Николай Иванович. За того подполковника Вы были представлены к ордену Красной Звезды. Но по каким-то причинам так и не получили. Может быть, стоило поискать по архивам свою заслуженную награду? Возможно, лежит где-то и ждет своего владельца?

...После победного салюта Лисица еще два года служил в Норвегии. В сорок седьмом вернулся в родную Павловку. У порога встретили постаревшие, сильно

сдавшие родители. Разруха глядела из каждого угла. А потому бывшему фронтовику отдыхать не пришлось. Сразу послали сеять, надо было заменять уставших за войну женщин-трактористок. С того памятного апреля отработал 45 лет. Кукурузу выращивали такой высоты, что К-700 не видно было. «Как мы, старые механизаторы, ушли, - сокрушается Николай Иванович – такую кукурузу больше никто не выращивал...»

был в районе Шлиссельбурга. 12 января 1943 года я принял участие в боевых действиях по прорыву кольца. Бои шли ожесточенные. Дали четырехчасовую артиллерийскую подготовку, и мы пошли в наступление.

18 января после соединения с Волховским фронтом блокада была прорвана. Началось освобождение Саблина, Пушкина, Гатчины, Петергофа, Пулкова, Ориенбаума.

В начале весны в боях за освобождение станции Поповка В.Калоша был тяжело ранен и попал в госпиталь. После выздоровления он попал в